

лостности способов видения картины мира познающим эмпирическим субъектом.

Но концепт – это еще не категория. Концепт – форма прототипической категоризации и ее результат. Смысл концепта в процессе исторического развития изменяется. Философы рассматривают концепт как одно из познавательных средств, формирующих картину мира с учетом особенностей когнитивного опыта индивидуального познающего субъекта, действующего в рамках конкретных культурно-исторических реалий (концептосфер) как целостного и структурированного пространства. Философские концепты раскрывают методологическую роль философии по отношению к науке и, как опорные пункты человеческого знания, выполняют наряду с этим роль формы, структурной основы, регулятива гибкой рациональности в научном познании.

В постнеклассической науке актуальность комплексного рассмотрения категории «гибкая рациональность» определена востребованностью экспериенциального подхода в его пересечении (конъюгации) с когнитивным, культурно-историческим, коммуникативным и информационным подходами. Учитывается главенствующую роль *индивидуального субъекта* – носителя гибкой рациональности – как целостного, создающего посредством холистского видения научную картину мира в соответствии со своим ментальным опытом, что обеспечивает адекватное соответствие процесса получения знания и особых стандартов рассуждения субъекта процессу познания в целом. В то же время расширение основных типов и форм научной рациональности характеризуют масштабность познавательной активности *коллективного субъекта* – также носителя гибкой рациональности – по упорядочению знаний о мире, выстраиванию эвристической методологии научного исследования и организации соответствующей деятельности, адекватной, конструктивно эффективной и гносеологически релевантной.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЦЕННОСТЕЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АВТОКОЛЕБАНИЯ

Оганян К.М.

*ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный инженерно-экономический
университет»*

Санкт-Петербург, Россия

Ключом к пониманию производства ценностей является синергетическая теория ценностей, опирающаяся на синергетическую

теорию идеологии. Как следует из этой теории, источником ценностей являются разного рода идеалы, ибо для создания ценности требуется ценностный ориентир (критерий ценности), в роли которого всегда выступает соответствующий идеал. Поэтому создание ценности (безразлично старой или новой) является воплощением прагматического аспекта некоторого идеала. Если речь идет о воплощении старого идеала, то говорят о воплощении архетипа; и творчество в этом случае сводится к репродуцированию старых ценностей. Возникает вопрос: каков алгоритм творческого процесса при создании ценности в общем случае? Существует ли такой алгоритм вообще?

Из синергетической философии истории (СФИ) следует, что такой алгоритм не только может, но и должен существовать и его должна описывать теория социального отбора¹. Согласно этой теории хаос, создаваемый крушением старых ценностей, обладает способностью к самоорганизации, в результате которой могут возникнуть новые ценности. Самоорганизация «ценностного» хаоса заключается в том, что в нем (благодаря бифуркациям) формируются, так сказать, несколько «творческих корзин», каждая из которых представляет собой новую возможную бифуркационную структуру. Набор таких «корзин» и представляет собой *творческий тезаурус* – набор возможных способов структурирования множества «осколков», образовавшихся в результате крушения и распада старых ценностей. В роли *творческого детектора*, выбирающего одну из «корзин», выступает активная творческая личность, а в роли *творческого селектора* – идеал, которым эта личность руководствуется и с помощью которого она делает свой выбор (осуществляет поиск действительно новой ценности в множестве возможных). Если в роли детектора выступает не отдельная личность, а целый коллектив, члены которого руководствуются разными (иногда близкими, а иногда и далекими) идеалами, тогда роль селекто-

¹ Обратим внимание, что с точки зрения любой разновидности иррационалистической философии такого алгоритма в принципе существовать не может. Согласно философскому иррационализму рационалистическая теория творческого процесса невозможна потому, что она игнорирует роль в этом процессе непредсказуемой и неконтролируемой случайности (момента азартной игры). Этот аргумент имел силу до возникновения синергетической философии истории, в основу которой положено понятие о *творческой роли хаоса* (с его механизмом бифуркаций). Именно синергетическая теория социального отбора лишила этот аргумент всякой силы.

ра играет взаимодействие (суперпозиция) этих идеалов. Мы рассмотрели с синергетической точки зрения одноактный творческий процесс - создание на основе имеющихся ресурсов новой ценности. Но глобальный творческий процесс состоит из множества подобных актов. С точки зрения решения проблемы «смысла жизни» главная опасность, которая подстерегает творца на этом пути - это угроза возвращения к старым ценностям и бесконечное повторение этого процесса (круговорот социальных преобразований, описанный Бальзаком в его философском послесловии к циклу романов «Человеческая комедия»). Жизнь теряет смысл если создание *новой* ценности невозможно как в краткосрочной перспективе, так и в долгосрочной перспективе.

Ситуация «белышего колеса» (или, говоря библейским языком, «суеты сует») осложняется тем, что это «колесо» отнюдь не является гладким: оно приобретает стохастический характер благодаря многочисленным случайным модификациям ценностей (ценностным флуктуациям). Круг ценностей, так сказать, покорежен флуктуациями. Ценности для одних оказываются антиценностями для других. Короче говоря, круговорот ценностей насыщен ценностными колебаниями, причем это автоколебания, поскольку они не вызываются какими-то внешними (по отношению к обществу) причинами. Нетрудно заметить, что с точки зрения СФИ, наблюдаемые ценностные автоколебания имеют в своей основе непосредственно ненаблюдаемые *идеологические автоколебания*. Тяга к анархистскому идеалу (культу абсолютной свободы без всяких ограничений, игнорирующему существование естественного предела у любых новаций) вызывает обратную реакцию в виде тяги к тоталитарному идеалу (культу абсолютного порядка, исключающего возможность свободного выбора при решении любых вопросов). Осознание односторонности каждой тенденции ведет к поиску гармонии, т.е. равновесия между этими противоположностями. Требование такой гармонии, лежащее в основе всякой достаточно зрелой демократии, определяет содержание либерального идеала. Этот идеал получает свое *онтологическое* обоснование только в СФИ: единство свободы и ответственности, прав и обязанностей должно быть следствием объективного единства социального хаоса и социального порядка как атрибутов социальной реальности.

Равновесие между тягой к порядку и тягой к хаосу, однако, нередко оказывается неустойчивым, и идеологические автоколебания продолжают около точки либерального рав-

новесия. И вновь получают перекосы то в направлении ослабления хаоса и усиления порядка (правоцентристский либерализм), то в сторону ослабления порядка и усиления хаоса (левоцентристский либерализм).

Описанная выше картина идеологических автоколебаний (которые характерны для всякого развитого общества) была бы неполной, если бы мы не вспомнили очень важную черту всякого социального идеала: связь его с такими философскими понятиями как *вера* и *жертва*. Как следует из синергетической теории идеологии, идеологические автоколебания связаны с конфронтацией различных верований (как религиозных, так и светских), столкновением попыток реализовать соответствующие идеалы и конкуренцией жертвоприношений (включая имущество, работу, свободу, здоровье и даже жизнь). Реальная история необходимо приводит к *поляризации* ценностей, в основе которой лежит *борьба* идеалов. Именно эта борьба наполняет социальную жизнь (как это неоднократно отмечалось в истории философии от Гераклита до Маркса¹) *особо значительным смыслом*: с одной стороны, она придает истории весьма драматический характер и лишает историю какой бы то ни было скуки, а с другой стороны, сопровождая ее насилием и трагизмом, придает ей горький привкус.

В ходе этой борьбы рано или поздно все идеалы терпят крушение (о чем в свое время писали Гегель, Шпенглер, Ясперс, Бердяев и др.). Это крушение сопровождается большими жертвами и большими зверствами. Странники любого обанкротившегося идеала воспринимают его крушение как величайшую трагедию, лишаящую их жизнь всякого смысла. Противники обанкротившегося идеала, напротив, испытывают из-за его крушения не только глубокое удовлетворение, но и радость победы (переживание ощущение триумфа). Но так как это происходит только в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной та же судьба постигает их собственный идеал, радости скоро приходит конец. Все начинают воспринимать триумф идеала в тандеме с его будущей трагедией, постепенно осознавая, что идеал - это обоюдоострое оружие.

Итак, *идеологическое* общество, занятое созданием новых ценностей и идеологической борьбой, оказывается вовлеченным в идеологический («духовный») кризис. Насту-

¹ Достаточно вспомнить знаменитый ответ Маркса в интервью его дочерям. На вопрос: «Ваше представление о счастье» он, как известно, ответил: «Борьба».

пает усталость от конфронтации ценностей и идеологической борьбы. Все ценности подвергаются мучительной и жестокой оценке, переоценке и частичному или даже полному обесцениванию. Конкуренция жертвоприношений во имя торжества различных идеалов приводит, в конечном счете, к острому дефициту утилитарных ценностей. Идеологический бум завершается, в конечном счете, потребительским бунтом (ср. состояние различных стран и народов после крупномасштабных войн и революций). Люди оказываются полуголодными, полуодетыми и с полукрышей над головой.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОЦЕСС ИДЕАЛООБРАЗУЮЩЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Тарасова М.В.

Сибирский федеральный университет

Образование – творческий процесс. Но творчество в данном случае корректно определить не как «создание», а как «воссоздание», поскольку во всех приведенных поясняющих конструкциях зримо или незримо присутствует представление о некоей эталонной мере, образце, на который ориентирован процесс созидания. Так, например, образование связано с понятием «обстрогать», но не с понятием «строгать». Различие заключается в руководящей силе, диктующей момент остановки, границы, на которой начинает в этом скульптурном процессе произойдет проявление той формы, которую можно будет считать законченной, «должной», «совершенной» («завершенной»). Предполагается, что внутри строгаемой материи присутствует некая эталонная форма, которую образование должно очистить, обнаружить, обнаружить. Обращает на себя внимание такое определение образования, как «поселить в ком образ чего». Образование поселяет внутри человека что-то живое, населяет человека изнутри. Синтез с предыдущими определениями позволяет заключить, что обнаружение внутреннего сущностного предела есть оживление человека. Примечательно, что с понятием «образ» также связана эстетическая сторона образования («улучшение»), позволяющая заключить, что действие образования родственно созданию чего-то прекрасного. Явление наличествующего образа – условие возникновения Прекрасного. Безобразным же именуется именно предмет без образа.

Само понятие «образ», которое является ядром, корнем слова «образование», этимологически раскрывается состоящим из двух час-

тей – «об-» и «-раз». Часть «-раз» восходит к глаголу «разить», «поражать», «резать». Приставка «об-» традиционно употребляется для выражения направленности действия, указанного в корне слова, на определенный объект. В результате соединения рождается действие, аналогичное выкраиванию – обрезать, обделывать. Граница, которую создает обрезание/образование, аналогична лекалам, по которым выкраивается, изготавливается какая-либо вещь. Тем самым, новый этап этимологического анализа понятия «образование» дает дополнительное подтверждение единственной внутренней логики возникновения этого понятия – как фиксирующего процесс и результат выкристаллизовывания стержня, границы, проявляющей сущность образовываемого объекта.

Именно освобождение человека от скрывающих внешних оболочек и выход к скрытой ранее сути является объяснением для существования таких определений образования, как «преобразовать» и «пересоздать». Переплавка материи, ее трансформация представляют собой действия по пересозданию человека в его «улучшенном», измененном виде и означают перерождение человека, рождение его личности.

Руководящая сила, придающая как смысл, так и потенциальный предел образовательному процессу, момент его будущей, идеальной законченности, также в свернутом виде присутствует в самом понятии «образование». Образ – это инструмент образования, своего рода «обрез», «резец». Идеальная направляющая сила, знающая границы своей явленности, – это сила *образа*, эталона, творящего объект по своему образу и подобию. Образование – созидание образом, который есть прообраз образовательного результата и эталонный образец для организации процесса образования.

Идеал входит в человека, становится идеальной схемой действия и в дальнейшем экстраполируется на сферу реальной практики человека. Такова схема образовательной практики европейского средневековья. В этом контексте идеал оказывается необходимым базовым компонентом успешного функционирования образовательного механизма. Средневековая христианская образовательная система с наибольшей наглядностью проявляет общие закономерности любого образовательного процесса, вне зависимости от конфессиональной, исторической, национальной определенности.

Один из главнейших тезисов, рождающихся из анализа образовательного опыта человечества: образование – это идеалообразование.

Присутствует ли идеал в современной образовательной практике? Отвечая на этот